

Анатолий Андреев

Анатолий Андреев – родился в 1958 году в городе Североуральске Свердловской области. Литературовед, культуролог. Член Союза писателей России, Союза писателей Беларуси. Доктор филологических наук, профессор. Автор 310 научных публикаций, в том числе учебника «Теория литературы», монографий «Персоноцентризм в классической русской литературе XIX в.», «Философия литературы. А. С. Пушкин», «Основы теории литературно-художественного творчества», «Психика и сознание: два языка культуры», научно-популярной книги «Зачем нужны умные люди?» и др. Автор 14 опубликованных романов («Лёгкий мужской роман», «Маргинал», «Для кого восходит Солнце?», «Халатов и Лилька», «Срединная территория», «Игра в игру», «Всего лишь зеркало...», «Отчуждение», «Авто, био, граф и Я» и др.), книги рассказов «За буйки», книги повестей «Вселенная не место для печали»,

книги стихов «Сквозь Млечный Путь – железная дорога», сборника пьес «Главные слова для любимой женщины».

Живёт в Москве. В настоящее время профессор кафедры педагогики и психологии профессионального образования ФГБОУ ВО МГУТУ им. К. Г. Разумовского (ПКУ).

* * *

* * *

Грешным творцам не грешно говорить о спасенье?
Жизнь Микеланджело разве не есть аргумент?
В пятницу грех, в воскресенье – о воскресении:
Грех позабыт – зато бронзой звенит постамент.

Гения славе к лицу озорные делишки,
Смутные, словно на фресках игра витражей.
Гении ходят в морали коротких штанишках,
Скрепящая беспощадно ужей и ежей.

Сколь безупречны Давидовы линии в камне!
Будто небесным резцом первозданный Адам
Тронул сработанный мрамор Каррары. Амен.
А ведь деянья Давида – с грехом пополам...

Дар Буонаротти с пороком Давида скрестились.
Мастера грех превращается в радостный гимн.
На душу грех принимаем: «Титана простили!»
Грустно. В потёмках души ни просвета, ни зги.

«Аве, пророк! Не выпадаю ли я в грех гордыни?»
Каменное, вековое безмолвье в ответ.
Чудится мне запах серы Давидовых линий.
До немоты совершенных. Как Новый Завет.

Громче, гитара! Пройдусь я по струнам,
Глухо пристукну косым каблуком.
Был голосистым, нескладным и юным.
Стал бестолковым, пустым стариком.

От понедельника до воскресенья:
Выдал свершенье – к смерти шажок.
Долог был путь: за прозреньем прозреньем,
И в завершеньем – терновый веночек.

Был я свидетелем всех изобилий.
За магистралью – крутой поворот.
Да, я любил, меня также любили.
Вечность? Неделю? Мгновение? Год?

Глупо звучит: подведение итогов.
Время – песком, что уж тут подводить...
Тратить остаток на ахи и вздохи –
Струны предать. Только сырость плодить.

Что же в конце? Обнимаю гитару.
Твёрдо стою на аршине земли.
Чисто пою. Со свиданьицем, старость.
С тем и примите. Адью. Ай-люли.

ПЕСЧИНКА

Я – песчинка. Вокруг океан песков.
Где мой шанс? Кто я? И откуда?
Смысл – оскомина. Гнуснейшая из оскомин.
Молча жмусь под копытом верблюда.

Что изменит в моей судьбе самум?
Север, юг... Велика ль перемена?
Со смешком проклиная судьбу саму.
Что терять песчинке до седьмого колена?

Терять нечего – значит, как пыль, свободен?
Утретесь диалектикой, коллеги по аду.
Мне плохо! Я ни на что не годен!
Я почти ноль!
Но!
Жалеть – не надо.

Однажды я видел идол из камня.
Поклонялись ему сильные мира сего.
Камень состоял из песчинок. Amen.
Больше я не скажу ничего.

Нет, ещё кое-что. Извините, песчинки.
Диалектика сильнее любых валунов.
Разобьют ведь в пыль челом картинки,
Возвратив нас опять в океан песков.

Диалектика рождает не надежду – смех,
А это больше, чем смели надеяться.
Песчинку научили смеяться за всех.
Ей завидуют сильные. Им некуда деться.

ХРАМ НА КРОВИ

Все храмы, конечно, смиренно стоят на крови.
Отчаянье – плод ядовитый любви безгрешной.
Попробуй-ка меру ты эту в миру уловить:
Скорбей наших тайна упрятана в образ
потешный.

Ты всё понимаешь: ты сильным был, смелым
и правым.
Ты видел, на ком эти шапки собольи горят.
Сегодня они управляют священной державой,
Ты делаешь то, что сквозь зубы они велят.

Ты был исполином – им всем у тебя поучиться,
Все звёзды, сплетаясь, покорно ложились в узор.
Ушёл в непролазную чашу, как волк за волчицей,
Оставив надежду, но не приняв позор.

И всё же скажи – отчего в жизни так нелепо?
Ты взмыл высоко – чтоб заветный узор подарить
Всеми свету. Охотнички сразу закрыли небо.
В столице соломки охотников нет подстелить.

Упал. Всё отмоют. И место под храм готово.
Прозрачнее стала неблизких небес синева.
А завтра – на смех, и на грех – взлетел кто-то
снова,
Под звон колокольный поплыла всесильно молва.

И рваные шапки долой, робки очи – долу.
Остались собольи – пылают огнём без стыда.
Красна на миру дева-смерть, а вольному – воля,
А спасённому – рай, а холопу – болото. Всегда.

* * *

Зачем же мятежному бури? Покой по плечу
Не каждому. Это расплата: мечи – на орала.
Мятежный готов променять на люстру свечу:
Всегда ведь герою света и стали мало.

А счастье не любит ни лязга, ни бурь, ни войны.
Распустится медленно жарким цветочком алым,
Расплавит байдану, укрывшую душу, на ны
Направит свой свет из конца тоннеля усталый.

Мятежный – за меч, отважный – орало в пашню.
Не решка-орёл – а воля вершит Божий суд.
Мятежный – по вере – воюет за день вчерашний,
Счастливый – за тот, что труды его принесут.

Мятежным в кровавых мечтах покой не снится.
Без страха – *на вы!* Берегись, моя грешна душа!..
Не лихом, а мирным крестом поминайте.
Возница
Везёт на щите мой поломанный меч не спеша.

Но если б воскрес, никогда б не искал я ножны;
От люстры б сверкал в зеркалах закалённый
клинок.

Врагов одолеть – это, пожалуй, можно;
Себя победить – я бы, пожалуй, не смог.

* * *

Я устал быть пророком – что толку предвидеть
затмения?
И пока никого я от гибели верной не спас.
Ошибаются карты, империи и поколения,
Принимая за истину веру, звезду и компас.

Лечит врач безнадежно больного, надеясь на Бога.
«С Богом...» – шепчет, приказ отдавая, лихой генерал.
Вот стою я один, предо мною двоится дорога:
Коль налево – то в бездну, направо – под пенистый вал.

Быть пророком легко – двум смертям не бывать. Это ясно.
Правлю прямо – дороги ехидно разъехались врозь.
«Жизнь прекрасна», – шепчу я, на что-то надеясь напрасно,
В сотый раз перепутав безбожно «аминь» и «авось».

* * *

Мой любимый размер – это гибкость, порыв и подвижность,
Непредательство, нежность, нетленность и волшебство.
Я иду к своей цели, хотя я её и не вижу,
Я молюсь ежедневно, хотя не увижу Его.

Так живу. А ботинок размер у меня сорок третий.
Я достаточно крепко стою на покато́й земле.
Отчего же мне больно смотреть, как печалятся дети,
Как грустит синева, отдавая всю нежность мгле?

В мире тайн больше нет – и законы известны, и смыслы.
А + В будет С, ну, а зло будет меньше добра;
Но не жарко чертям, и по радуге – дым коромыслом –
Забирается чёрт в не червивый, нетронутый рай.

Всё умом не понять, а душой не объять, не промерить,
Разрываюсь на две половинки: одна – плоть и кровь,
А другая – в неё мне приходится нехотя верить –
Источает, как вечность звезду, неземную любовь.

Чтобы так сотворить человека – ведь нужно коварство.
Это месть, и подали её как холодное блюдо.
Кто, кого и куда приглашает на вечное царство?
И кому так мешают – до злости – несчастные люди?

Не в обиду: надену-ка я башмаки по размеру
И отправлюсь искать то, что кто-то забыл доложить, –
Сквозь туманы, по звёздам, пескам, не теряя веры,
Что воздастся тому, кто пытается жить не во лжи.

Вот зачем мне нужны после сумрачной ночи рассветы,
Вот зачем жду я лета – мне холод, как жалкая месть.
Я люблю эту жизнь ни за что – ни за то, ни за это,
Разве только за то, что она – по ошибке – но есть.

